

Лякишева Светлана Ивановна
Государственный мемориальный и природный заповедник
«Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»,
научный сотрудник, канд. пед. наук

«Маменькин сад» в Ясной Поляне, или Размышление библиотекаря над
музейным документом

В прошлом экскурсовод с пятнадцатилетним стажем, в настоящее время работаю в отделе учета и хранения музейных фондов. Это качественно иной срез работы: цифры, статистика, строгое четкое описание сохранности, тысячи предметов перед глазами, прежде всего, книги личной библиотеки Л.Н. Толстого - конвейер, и только... Но когда в руках оказывается копия рукописи М.Н. Волконской, в замужестве Толстой (1790-1830), - «Опись саду», понимаю – как библиотекаря и дочери агронома над этим документом мне надо призадуматься, вникнуть в него, призвав на помощь – книги...

На бумаге 1811 года дворянским мелким почерком рукой будущей матери Л.Н. Толстого выведено: «Опись саду. Подле забору посажен ланицер от ворот до лип; по обе стороны арабатки с цветами, на левой стороне цветник. В оном четыре клумбы, вокруг них сделаны корзинки из лоз, беседка из акаций. Близ забору вишень луврских 3, сирень белая 1, смородины розовой 1 куст, на правой стороне за арабаткой розонов 8 линий; от арабатки до маленького пруда три линии яблонь: боровинок 14, сладкая 1, сквозника наливная 1, арабских 4, грушовок 4, украинская 1, Белаго наливу 4, надежина белая 1, пальцовских 10, опортовая 1, харламовских 5, всех 35. Клинь первый. Ясень, обсаженный шиповником. Яблони. Пальцовских – 6, Грушовка – 1, Украинская – 1, Наливная 0 1, Леденцова -1, Боровинских – 10, Харламовских -2, Опортовая -1. Всех 24. Смородины красной – 9 линий, черной – 1 линия, Ланицеру – 1. Клинь второй...»¹. Далее следует описание восьми клиньев, непохожих один на другой по набору сортов яблонь и ягодных кустов.

В «Опись саду» входит и отражение видового и численного состава растений, находящихся в «Школе», так называли в то время питомники: «26 дерев посажено вишен. Парник. Подле парника спаржи 2 гряды; 2 елки, клубники Мексиканской 1 гряда, белой синели (*сирени* – С.Л.) – 3 линии; бузины 4 кустов; тополи гряда; черной смородины – 2 гряды; английской мяты – 1 гряда, корнус – 1 куст, синели аглинской – 2 куста; жесмин воздушной – 1 куст; крыжовнику крупнаго 5 кустов, малины белой 20 кустов; слив воздушных 13. Акации гряда, бузины гряда, луковиц гряда. Брусковой смородины белой 3 куста. Ревеню и мальфы гряда. Яблонь двух- и

¹ Печатается с орфографией автора рукописи

трехлетних – 413. Сего года означилось прошлогодней прививки 355; с первого июля привито вновь – 460». При «Школах» в русских усадьбах в XVIII в. не только выращивали саженцы разных пород деревьев и кустарников, но и занимались акклиматизацией растений, разводили оранжерейные растения для продажи, обучались теоретическому и практическому садоводству.

Наконец, из этой же рукописи мы узнаем, что представлял собой зарождающийся в Ясной Поляне, восхищающий теперь экскурсантов, «Аглинский сад». «Опись саду» мать будущего знаменитого писателя составила на русском языке, - редкость для «французской» эпохи, далеко не каждой дворянке в России это было по силам. Удивительный, волнующий документ, увлекающий в эпоху, когда любая деятельность в русской усадьбе основывалась на умении работать с книгами зарубежных и русских авторов².

Национальная школа садового искусства в России была сформирована уже в первые десятилетия XVIII века, в период деятельности Петра I. Его путевые заметки во время пребывания за границей стремительно пополнялись описаниями западноевропейских садов и парков³. Неслучайно он стал посылать русских мастеров учиться за границу садовому искусству и организовал в России специальные школы по подготовке специалистов по садовому делу. Он же стал и первым коллекционером книг по этой отрасли знаний. По его приказу за границей закупались книги по ботанике, паркостроению, архитектуре малых форм, приобретались альбомы с изображением лучших дворцовых ансамблей. В его библиотеке были труды архитекторов Ж.-Б. Леблона, Д'Аржанвиля. Частично их книги и многих других специалистов тогда же переводили на русский язык. В петровские годы и позже получили распространение альбомы гравюр с образцами регулярных садов.

Тогда же, при Петре, из Голландии были привезены в Россию тысячи саженцев липы, каштана, вяза, лиственницы. Мария Николаевна Волконская за два месяца пребывания в Петербурге в 1810 году осмотрела едва ли не все достопримечательности города и его окрестностей, дважды побывала в Эрмитаже, посетила Академию художеств, сопровождала отца в поездках на стеклянный и фарфоровый заводы, на Александровскую ткацкую фабрику, где жили и работали дети-сироты. В описаниях увиденного, «Дневной записи для собственной памяти», Мария Николаевна обнаружила основательные познания в литературе, искусстве, истории, мифологии, священной истории. Но более всего ее впечатлило обилие самых разных восхитительных садов. На прогулке по «Сарскому» селу, «сии сады и рощицы...» создавали ей романтическое настроение, о чем она писала 25 июня 1810 г.⁴; 28 июня «ездила

² Подробно о практическом применении домашних библиотек в устройстве усадебного быта в книге: Лякишева С.И. Библиотеки русских усадеб: научно-методическое пособие. – М.: Либерия-Бибинформ, 2010

³ Записная книжка любопытных замечаний странствующего... в 1697, 1698 годах. – СПб., 1788 (Отдел редких книг РПБ)

⁴ С.Л. Толстой. Мать и дед Л.Н. Толстого: очерки жизни, дневники, записи и письма по неизданным материалам. - М.: изд-во «Федерация», 1928. – С. 82

с батюшкой гулять в сад графа Строганова⁵; на следующий день, 29 июня, гуляла в саду княгини Т. В. Юсуповой, 30 июня «мы сели опять в карету и приехали наконец в летний сад; сие гуляние прекрасно»; там же она побывала и через месяц, 31 июля, «чтоб полюбоваться в последний раз сим прекрасным гулянием»; 2 августа, по возвращении из Петербурга, заехав в Павловское, «осмотрели сад и гуляли в нем сперва пешком, потом в линейке»: «Я была восхищена красотой сего сада; он чрезвычайно обширен; со всех сторон прекрасные виды; и, хотя он в простом вкусе, в нем видно прелестное разнообразие и множество прекрасных цветов»⁶. Вероятно, поездка в Петербург и бесчисленное любование садами оказали свое влияние на решение Марии Николаевны создать собственные регулярный и «аглинский» сады в своей усадьбе. Во всяком случае, «Опись саду» она составила после впечатлившей ее поездки, а вариант посадки растений на восьми разбитых клиньях она могла видеть в Летнем саду в Петербурге.

Говоря о возникшем и растущем интересе М.Н. Волконской к садоводству, нельзя не вспомнить, что она посещала усадьбу С.И. Гагарина Ясенево, о которой писал историк граф М.В. Толстой: «Я бывал неоднократно в подмосковном имении князя селе Ясенево, в восемнадцати верстах от Москвы. Это село замечательно по прекрасному саду и оранжереям с лучшими сортами плодовых деревьев, а еще более по древесным насаждениям, разведенным самим князем на многих десятинах. Князь, как искусный и опытный садовод, умел приохотить и ясеневских крестьян к садоводству. В первый приезд мой в Ясенево я был изумлен, видя на крестьянских полях не рожь и овес, а клубнику лучших сортов, малину, смородину и прочее, а на обширных пространствах вместо тощих нагорных лугов - яблони, груши, вишни и множество других деревьев и кустарников. Все это поступает в продажу в Москве»⁷. С.И. Гагарин смело вносил в практику земледелия новые агротехнические приемы, например, ввел в Ясенево плодoperеменную систему разбивки садов, что позволило повысить их урожайность. Ясенево имело большое значение для М.В. Волконской, недаром именно там венчались будущие родители Л.Н. Толстого, о чем пишет М.Ю. Коробко в путеводителе «Москва Усадебная»: «Одно из самых примечательных событий, произошедших в Ясенево при С.И. Гагарине, состоялось 9 июля 1822 г. Тогда в ясеневской церкви в присутствии семьи владельца, а также соседних помещиков графов Толстых и князей Трубецких, приехавших из усадеб Узкое и Знаменское-Садки, венчались их родственники: граф Николай Ильич Толстой (1795-1837) и княжна Мария Николаевна Волконская (1790-1830)». К этому времени невеста уже имела десятилетний опыт садовницы.

Было ли это женским делом – создание садов? Вспомним, как писала еще Екатерина II: «Мне вздумалось тогда развести сад в Ораниенбауме... Я попросила князей Голицыных продать и уступить мне пространство во сто

⁵ Там же, с. 85

⁶ Там же, с. 108

⁷ Толстой М.В. Хранилище моей памяти. - М., 1995. С. 81-82.

саженной невозделанной и давно брошенной земли, которая находилась у них совсем рядом с Ораниенбаумом. Я начала делать планы, как строить и сажать, и так как это была моя первая затея в смысле посадок и построек, то она приняла довольно обширные размеры. Мне нужно было какое-либо развлечение, а это и было развлечением, которое могло развить воображение»⁸.

Итак, разведение плодового сада вполне могло быть женским развлечением, однако не бездумным, скорее, требующим основательной теоретической подготовки, изучения помологической литературы. С большой долей вероятности можно предположить, что М.Н. Волконская могла изучать книгу Иоганна Херманна Кноопа (Johann Hermann Knoor), выпустившего в 1760-м году первую часть монографии «Помология, описание и изображения лучших сортов яблок и груш, которым в Голландии, Германии, Франции, Англии уделяется внимание и которые поэтому культивируются» («Pomologia, das ist Beschreibungen und Abbildungen der besten Sorten der Aepfel und Birnen, welche in Holland, Deutschland, Franckreich, Engeland und anderwärts in Achtung stehen, und deswegen gebauet werden»); а также «Городской и деревенской садовник; или наставление. По которому всякой хозяин сам может разводить новые сады, и старые приводить в порядок и совершенство, без помощи садовника, состоящее в четырех частях. Перевел с Немецкаго языка Никита Рахманов. М., в типографии Императорскаго Московскаго Университета, 1779»; «Экономический магазин» (1781-1789) А.Т. Болотова, где не только освещались общие вопросы садоводства, но и давались детальные практические рекомендации. У Андрея Тимофеевича Болотова интересен по этой теме и многотомный труд «Изображения и описания разных пород яблок и груш, родящихся в дворяниновских, а отчасти и в других садах», включающий описания более 600 сортов яблок и груш с их изображением (1797-1800). Для яснополянской садовницы представляла интерес книга Н.П. Осипова (1751-1799) с мудреным названием: «Новой и совершенной русской садовник, или Подробное наставление российским садовникам, огородникам, а наипаче любителям садов, о расположении, содержании и украшении садов, огородов, оранжерей, теплиц, парников, цветников и пр. О размножении и приведении в совершенство всяких плодоносных деревьев, цветов, кустарников, поваренных и душистых трав и кореньев. О предохранении их от всего того, что для них пагубно и вредно; о сбережении их на долгое время свежими. О заготовлении всяких плодов и поваренных произрастений в зиму. Одним словом, о всем том, что необходимо нужно знать каждому исправному садовнику и попечительному домостроителю, полагающему свое утешение в садоводстве. Собранное из лучших новейших иностранных сочинений, так же и из собственных опытов и замечаний, и принаровленное к российскому садоводству» (СПб.: Печ. в Имп. Акад. Наук, 1793).

⁸ Сочинения Екатерины II, с. 167

Кроме этого, М.Н. Волконская могла изучать главные руководства для создания пейзажных садов (а ими, собственно, и являлись упомянутые «аглинские» сады), - энциклопедические сочинения шотландца Джона Клаудиуса Лаудона (John Claudius Loudon, 1783-1843), который выпустил великолепную «Энциклопедию садоводства» (1822), через три года издал «Энциклопедию агрокультуры» (1825), затем в 1829 – «Энциклопедию растений». Его сочинения в целом оказали огромное влияние на развитие садоводства в русских помещичьих усадьбах⁹. Не мог остаться без внимания и английский ландшафтный архитектор В. Чемберс с книгой «О китайских садах» (1771), поскольку романтизм и пейзажность китайских садов положили начало английским паркам. В любом случае, книги сыграли несомненную роль для благоустройства садов Ясной Поляны.

Конечно, М.Н. Волконскую-садовницу охватывало восхитительное ощущение от созерцания растительного мира. Не только и не столько интересы практицизма владели умами молодых дворянок. Сад для многих из них являлся выражением чувств, возникавших при чтении сентиментальных романов. Много значил сад в жизни Клариссы Гарлоу – героини романа С. Ричардсона. (Richardson S. *Lettres anglaises ou histoire de miss Clarisse Harlove*. V. 1-14. Paris, 1777). У М.Н. Волконской в библиотеке сохранились 4 и 7 тома этой книги. Детализированные описания сада можно встретить и в романе Жермен де Сталь «Дельфина» (Пер. с франц. – М., 1804). Романтичный настрой и увлечение садоводством захватывало и героинь романов, и их читательниц, как за рубежом, так и в России.

В библиотеке М.Н. Волконской книга Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» была зачитана маменькой, со следами ее чтения она и досталась сыну, Л.Н. Толстому, тоже оказавшемуся равнодушным к этой книге. С.Н. Толстой писал своему брату Льву Николаевичу Толстому 14-го июля 1852 г.: «Ты просишь меня прислать тебе 1-й том «Новой Елоизы». Зачем она тебе? Из писем твоих к тетеньке видно, что ты ее помнишь наизусть»¹⁰. Мария Николаевна читала Руссо и находила у него ответы на волнующие вопросы – о любви, религии, воспитании детей и... об устройстве своих садов.

В самом деле, плодовый сад Марии Волконской чем-то напоминает сад «Элизиум», созданный Юлией в Кларане. Он так же находился рядом с домом, но был скрыт липовой аллеей. У входа в яснополянский сад - калитка, которая так же, как у Юлии в романе, была заперта на ключ. Г-н де Вольмар, муж Юлии рассказывает: «...Юлия начала здесь садить деревья задолго до своего замужества, почти тотчас после смерти матери, когда приехала сюда с отцом, ища уединения». Удивительно, но и Мария Николаевна занималась садом после смерти матери, приехав с отцом, ища уединения, и так же – задолго (за десять лет) до замужества! Юлия с гордостью сообщает герою романа Сен-Пре: «Да будет вам известно, что я стала главным управителем этого уголка и муж предоставил его мне в полное распоряжение»¹¹ - этим же

⁹ Лихачев Д.С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. – Л.: Наука, 1982. – С. 157

¹⁰ Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 119

¹¹ Ж.Ж. Руссо. Избранные сочинения. – М.: Гос. изд-во худож. лит., Т. 2, с. 404

могла похвалиться и Мария Николаевна, уже жена Н.И. Толстого. У Юлии был садовник, и в романе «Война и мир» идет упоминание о садовнике в Лысых Горах¹². (Не исключено, что это был садовник-иностранец, поскольку в российских усадьбах с русскими мастерами успешно работали французские, итальянские, немецкие и голландские специалисты).

Одна из садоводческих традиций того времени – особое внимание уделять душистым травам и цветам. В романе у Юлии в саду – бальзамин, тимьян, душица, садовые цветы вперемешку с полевыми. «В самых открытых местах я увидел разбросанные в беспорядке, без всякой симметрии густые кусты роз, малины, смородины, целые заросли сирени, орешника, бузины, жасмина...», «переплетали свои ветви жимолость и жасмин». Флористические пристрастия Марии Николаевны похожи: в ее «Описи саду» – и мята Немецкая, и кусты розовой, красной и черной смородины, крыжовник, шпанская, полевая и мексиканская клубника, и, конечно, «жесмин воздушной» и «арабатки» с цветами, словом, никакой экзотической растительности, а «лишь местные растения, но расположенные в таком сочетании, что они производили наиболее веселое и приятное впечатление»¹³. Для своего сада Юлия «присоединила воду из общественного водоема, которая стекала в озеро», и у Марии Николаевны яснополянский плодовый сад находился рядом с прудом, расположенным чуть ниже плодового сада, а далее – английский сад. У Юлии – вязы, ясени, – деревья, которые «со временем обещали стать весьма высокими», бересклет, и у Марии Николаевны – похожая роща, которая служила приютом множеству птиц. В Ясной Поляне они так же, как и в романе Руссо, «порхали, перелетая с места на место, пели». Возможно, для этого М.Н. Толстая, как и Юлия, «каждую весну раскладывала здесь кучки конского волоса, соломы, шерсти, мха и других материалов, нужных птицам для того, чтобы свивать гнезда»¹⁴.

Обращение к роману, которым увлекались дворянские девушки, помогает понять важнейшее назначение сада. Он не только выражал индивидуальность и практичность хозяйки, радовал красотой и дарил прелесть романтических прогулок. «Я подумала, – признается Юлия в «Новой Элоизе», – что, когда дети подрастут, работа в саду будет для них забавой и принесет пользу их здоровью...не могу и сказать, как мне сладостно представить себе, что мои дети заняты работой, ...как нежным своим сердцем они радуются, видя, что их мать с наслаждением прогуливается под сенью дерев, за коими они сами ухаживали»¹⁵. Так и будущая мать Л.Н. Толстого еще задолго до рождения своих пятерых детей, сажая и регулярные, и пейзажные сады, закладывала воспитательную основу для развития детского трудолюбия и любви к природе, с ними мечтала создавать

¹² Лысые Горы в романе – по замыслу Л.Н. Толстого, преимущественно, – его родовая усадьба Ясная Поляна

¹³ Там же, с. 405

¹⁴ Там же, с. 409.

¹⁵ Там же, с. 417

«гербариумы» и составлять научную классификацию растений, столь популярные в то время.

Как и задумывала М.Н. Волконская, с любовью создаваемые посадки принесли свои плоды. Интерес матери к саду передался сыну, уделившему в Ясной Поляне огромное внимание яблоневым садам. В его библиотеке сохранился «Каталог деревьям и кустарникам, тепличным и оранжерейным, и прочим» К.И. Вагнера (1854) с многочисленными пометами¹⁶. Л.Н. Толстой не только увеличил площадь яблоневых насаждений и яснополянских парков. Читая произведения писателя, начинаешь понимать «смысл вечности» и значение окружающей природы. Вот уже постаревший маменькин сад в автобиографичной «Юности» Л.Н. Толстого: «Заберешься, бывало, в яблочный сад, самую середину высокой, заросшей, густой малины. Над головой – яркое горячее небо, кругом – бледно-зеленая колючая зелень кустов малины, перемешанных с сорной заростью. Темно-зеленая крапива с тонкой цветущей макушкой стройно тянется вверх; разлапистый репейник с неестественно лиловыми колючими цветками грубо растет выше малины и выше головы и кое-где вместе с крапивою достает даже до развесистых бледно-зеленых ветвей старых яблонь, на которых наверху, в упор жаркому солнцу, зреют глянцевиные, как косточки, круглые, еще сырые яблоки»¹⁷.

Безмятежные воспоминания лучшего времени детства в саду у шиповниковой клумбы позволяют на время забыться путнику, замерзающему в «Метели»¹⁸. В рассказе «Утро помещика» 19-летний Дмитрий Нехлюдов, размышляя о целях и обязанностях жизни, направляется к дому «по тенистым аллеям заросшего сада»¹⁹. В романе «Война и мир» князь Андрей Болконский, командир полка, после пожара в Смоленске, с горечью едет в Лысые Горы (*фактически, это Ясная Поляна – С.Л.*). Боль Андрея за увиденное в усадьбе передается с описанием картин сада: «Дорожки сада уже заросли», «тесовый резной забор весь изломан и фрукты сливы обдерганы с ветками», около глухого старичка, возившегося с лаптем, «было развешено лычко на сучках обломанной и засохшей магнолии», «несколько лип в старом саду были срублены, одна пегая с жеребенком лошадь ходила перед самым домом между розанами»²⁰. Последние часы здоровой жизни перед внезапным «ударом правой стороны» старого князя, Николая Сергеевича Болконского, проходят также в саду, когда он «в мундире и всех орденах, вышел из дома и пошел в сад сделать смотр вооруженным мужикам и дворовым»²¹. Так замыслы усадебных садов рождались из книг, в книгах же они и находили свое поэтическое и художественное пристанище.

Чем дальше мы уходим от времени жизни дворян, тем меньше шансов остается понять удивительное время, когда заботились не о вырубках, а о

¹⁶ Курчакова Н.И. Плодовые насаждения Ясной Поляны: история развития // Яснополянский сборник. – Тула: Изд. Дом «Ясная Поляна», 2006. – С. 361-368

¹⁷ Толстой Л.Н. Юность. – Тула: Приокское книжное изд-во, 1978. – С. 171

¹⁸ Толстой Л.Н. Рассказы. Метель. – Тула: Приокское книжное изд-во, 1981. С. 15

¹⁹ Толстой Л.Н. Рассказы. Утро помещика. – Тула: Приокское книжное изд-во, 1981. С. 63

²⁰ Толстой Л.Н. Война и мир. – М.: Худож. лит., 1968. - Т.3, с. 130

²¹ Там же, с. 143

посадках; не разрушали природу, а сохраняли, преумножая ее богатства. В «Описи саду», составленной 200 лет назад, кроются загадки для изучения современных специалистов-садоводов, ландшафтных дизайнеров. Но любым музейным предметам важно бывать и в руках библиотечных специалистов (к каким отношу себя, окончив Орловский институт культуры). Эмоциональная канва любой грани дворянской жизни нам будет доступна и понятна до тех пор, пока при изучении экспонатов мы не будем забывать обращаться к книгам периода ушедшего усадебного времени, чудом уцелевших и бережно хранящихся в мемориальных музеях и отделах редких книг в крупных библиотеках.

ГОРОДСКОЙ
И
ДЕРЕВЕНСКОЙ
САДОВНИКЪ;
ИЛИ
НАСТАВЛЕНІЕ.

По которому всякой хозяинъ самъ мо-
жетъ разподить новыя сады, и ста-
рыя приподить въ порядоѣ и сопер-
шенство, везъ помощи садовника,
СОСТОЯЩЕЕ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

перевелъ съ Нѣмецкаго языка
НИКИТА РАХМАНОВЪ.

Печашанъ въ Типографіи Императорскаго
Московскаго Университетса
1779 года.